УДК 327

Юрий КОЛОТАЕВ

ЕВРОПА И ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ ПОСТКОВИДНОГО МИРА

Статья поступила в редакцию 30.06.2021

Аннотация. Пандемия коронавируса COVID-19 оказала серьёзное воздействие на информационную сферу. Распространяемая в условиях пандемии информация часто носила недостоверный характер в силу отсутствия исчерпывающих сведений о вирусе. Избыток цифровой дезинформации привел к ситуации, получившей название «инфодемия», которая подразумевает неконтролируемое массовое распространение непроверенных сведений. Целью статьи является систематизация действий ЕС и стран Европы в условиях инфодемии. В работе установлены основные модели реагирования европейских национальных и наднациональных акторов на сложившуюся ситуацию. Автор провел сравнительный анализ мер по противодействию дезинформации на основе разделения объектов на страны, входящие и не входящие в ЕС, а также на национальные органы власти и наднациональные структуры. Приведённые данные продемонстрировали отсутствие единого «европейского ответа» на дезинформацию, несмотря на усилия ЕС. Также выявлено стремление стран двигаться к законодательному регулированию противодействия дезинформации, но скорость и пути этого движения зависят от степени вовлечённости государства в диалог с онлайн-платформами.

Ключевые слова: Европейский союз, инфодемия, дезинформация, фейковые новости, онлайн-платформы, социальные сети, Россия, Британия.

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 породило комплексные проблемы в различных сферах жизни общества. Существенный удар коронавирус нанёс по информационной среде, столкнувшейся с массовой дезинформацией о COVID-19. Сложившаяся ситуация серьёзно изменила характеристики информационных угроз. До 2020 г. дезинформация рассматривалась в обществе как политическая проблема, но в результате пандемии произошла диверсификация дезинформации, приведшая к состоянию так называемой «инфодемии».

© Колотаев Юрий Юрьевич – аспирант, кафедра европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. **Адрес:** 191060, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, подъезд 8. **E-mail:** yury.kolotaev@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021135143>

В статье производится системное отображение угрозы дезинформации в условиях инфодемии. Производится сравнительный анализ мер по реагированию на инфодемию сразу в двух измерениях. Первое измерение – это сопоставление мер национального и наднационального уровня. Второе – сравнение действий внутри и за пределами Евросоюза. Благодаря такой матрице в рамках работы сформировано комплексное понимание того, насколько инфодемия изменила европейский информационный ландшафт и насколько эффективно различные акторы смогли на неё отреагировать. Особое внимание уделено вопросам координации усилий различных заинтересованных сторон (стейкхолдеров).

Сущность информационных угроз в реалиях инфодемии

Современное информационное пространство ещё до пандемии сталкивалось с инструментализацией «фактов» и различными типами дезинформации [Lewandowsky et al, 2017; Collins, 2019]. Наиболее широко используемым словом, обозначающим недостоверные и искаженные сведения в интернете, стало понятие «фальшивые/фейковые новости». Оно отражает недостоверную и злонамеренно распространяемую в сети информацию, способную нанести социальный, экономический или политический ущерб человеку или сообществу. Фейковые новости могут подразумевать целый спектр действий, распределенный в трёх измерениях: степени правдивости, намерениях, роли аудитории [Tandoc et al, 2018]. Основываясь на соотношении данных измерений, выделяется до десяти их разновидностей (от «кликбейтов» и сатиры до различных форм манипулирования и искажения фактов) [Farte, Obada, 2018]. Существуют и альтернативные классификации фейков и дезинформации [Rozgonyi, 2018; Vasu et al, 2018], однако все они объединены принципиальным признанием актуальности проблемы фальсифицируемых сведений в реалиях информационного общества.

До 2020 г. освещение проблемы дезинформации происходило преимущественно в политическом контексте, затрагивая кампании во время выборов, референдумов или других политических событий. При этом современные технологии искусственного интеллекта делали подобные информационные атаки особенно проблематичными и актуальными [Kertysova, 2018; Boler, Davis, 2020]. Но предшествующий фокус лишь на одной сфере потенциального применения фейков оставил общественность неготовой к «неполитической» дезинформации, проявившейся в начале 2020 г. на фоне распространяющейся пандемии.

Слияние пандемии с дезинформацией породило особую ситуацию инфодемии, т.е. условий, когда циркулирует *«слишком большой объем ложной и вводящей в заблуждение информации в цифровой и физической среде»*¹. В контексте COVID-19 примерами такой информации стали сведения о происхождении вируса или методах лечения болезни, появлявшиеся в условиях нехватки достоверной информации [Михеев, 2021: 165-166]. Подобные сведения повлекли физически ощутимые

¹ Infodemic. World Health Organization. URL: https://www.who.int/health-topics/infodemic#tab=tab_1 (дата обращения: 29.05.2021)

последствия в реальном мире, т.к. дезинформированный человек мог пострадать от неправильного лечения или от недооценки масштабов угрозы.

На глобальном уровне уже в апреле 2020 г. генеральный секретарь ООН объявил о начале информационных работ, направленных на противодействие дезинформации¹. Организация издала призыв к выявлению и пресечению фальшивой риторики, связанной с COVID-19². В сентябре Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) призывала государства-члены разработать планы действий по борьбе с инфодемией³.

В результате действий ООН и ВОЗ на глобальном уровне удалось артикулировать проблему, затронувшую не просто отдельные уязвимые страны и регионы, а всё информационное пространство. Вместе с тем обозначенные проблемы приходится решать на национальном или региональном уровне. Обобщенные данные по мерам, осуществлённым в Европе на двух уровнях, отражены в сводной Таблице 1.

Таблица 1

**Меры, принятые Европейским союзом и различными странами Европы
для противодействия инфодемии**

	ЕС (институты ЕС)	ЕС (страны-члены)	Великобритания	Россия
Меры	Кодекс стандартов и практик для платформ; гражданские инициативы (фактчекинг); система быстрого предупреждения; стратегические коммуникации.	Часть мер дублируется с наднациональным уровнем; меры дополняются национальными законами против дезинформации/или риторики ненависти.	«Оперативные группы»; договорённость с платформами; стратегия медиаграмотности; стратегические коммуникации (правительственный чат-бот).	Применение рестриктивных мер (УК РФ и КоАП РФ); стратегические коммуникации (специальные Telegram-каналы, сайты), деятельность РКН.

¹ Secretary-General's video message on COVID-19 and Misinformation. UN Secretary-General. 10.04.2020. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-04-14/secretary-generals-video-message-covid-19-and-misinformation> (дата обращения: 29.05.2021)

² Глобальный призыв изобличать и пресекать ненавистническую риторику, связанную с COVID-19. Генеральный секретарь ООН. 07.05.2020. URL: <https://www.un.org/sg/ru/content/sg/statement/2020-05-07/secretary-generals-message-global-appeal-address-and-counter-covid-19-related-hate-speech-scroll-down-for-french> (дата обращения: 29.05.2021)

³ Борьба с инфодемией на фоне пандемии COVID-19. ВОЗ. 23.09.2020 г. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 29.05.2021)

Структура	Долговременная политика по противодействию дезинформации (с 2015 г.) + Дополнения в Совместном сообщении Европейской комиссии «Борьба с дезинформацией о COVID-19» (JOIN/2020/8 final).	Опора на существующее законодательство. Практически отсутствуют новые установки или программы по противодействию инфодемии.	Широкий масштаб предполагаемого законодательного регулирования – <i>Online Harms White Paper 2020</i> .	Дополнение существующего с 2019 г. законодательства по борьбе с фейками. Патерналистское взаимодействие с платформами.
Особенности	1. Сильнее позиция в диалоге с платформами, но меньше инструментов к принуждению. 2. Нехватка юридически обязательных мер. 3. Присутствует политизация и экстернализация.	1. Отсутствие стандартизированного подхода. 2. Превалирование адаптивной или патерналистской повестки в зависимости от государств.	1. Долговременное применение гибких практик и широких консультаций. 2. Параллельно с инфодемией происходит формирование законодательной основы. 3. Экстернализация источников дезинформации.	1. Приоритет прямому регулированию. 2. Модерация контента определяется самими платформами, но соцсети несут ответственность за плохое реагирование.

Источник: Составлена автором.

«Европейский подход» ЕС к противодействию дезинформации в условиях пандемии

Практические результаты влияния пандемии на информационную сферу имели как схожие, так и отличающиеся характеристики на разных уровнях европейской системы. Многоуровневая структура ЕС, совмещающая национальный и наднациональный уровни, стала тому показательным примером. Ключевые действия и программы правительственных институтов продемонстрировали имевшуюся ещё до пандемии разницу в подходах, выраженную в адаптивной и патерналистской реакции на системные вызовы [Romanova et al, 2020].

В общеевропейском сравнении ЕС представил одновременно и более комплексную, и в то же время противоречивую политику по борьбе с дезинформацией. Политика ЕС по противодействию дезинформации, развивавшаяся с середины 2010-х гг., с наступлением пандемии была вынуждена адаптироваться к новым измерениям угрозы¹. Подобная адаптация была выражена не в создании новой стратегии, а в усовершенствовании старой².

¹ European Commission. Joint Communication *Tackling Covid-19 Disinformation – Getting the Facts Right* Join/2020/8 Final

² European Commission. Joint Communication *Action Plan Against Disinformation* Join/2018/36 Final

На наднациональном уровне, как и до инфодемии, было сохранено преобладание долгосрочных мер, связанных с акцентом на гражданских инициативах и фактчекинге. Дополняет подобную логику гражданской ответственности политика увеличения обязательств платформ (Facebook, Twitter и т.д.)¹, имеющих особое значение в системе распределения информации и дезинформации. Помимо этого, особыми составляющими политики ЕС стали создание внутренней системы быстрого предупреждения о потенциальных информационных атаках, а также расширение стратегических коммуникаций, направленных на повышение информированности граждан об опасностях как пандемии, так и других угроз.

Из всех этих мер для ЕС основной приоритет отводится комплексному взаимодействию с платформами. В этом отношении проявляется и положительная характеристика наднационального уровня решения проблемы. На уровне институтов ЕС у стран-членов Союза сильнее позиция в диалоге с платформами.

Вместе с тем у самого ЕС меньше инструментов к принуждению, чем у отдельных государств. Это становится главной сдерживающей силой в выработке «европейского подхода» к дезинформации, т.к. наднациональная политика вне чётких законодательных норм не несёт обязательных мер ни для граждан, ни для платформ. На этом фоне ЕС только начинает обсуждение закона о цифровых услугах². Но Евросоюз сильно политизирует проблему и указывает на то, что все ключевые источники находятся за пределами ЕС, что приводит к искаженному пониманию самой ситуации инфодемии. К примеру, в основной стратегии противодействия инфодемии указано на активное участие России и Китая в создании враждебной информационной повестки. При этом, если Россия фигурировала как источник информационных и внешнеполитических угроз уже несколько лет, то на Китай подобные обвинения распространяются, начиная с пандемии [Болгова, 2020]. Принципиальным искажением, на которое идёт в этом случае ЕС, является непонимание того, что инфодемия имеет скорее эндогенные, чем экзогенные причины. Внешние акторы, если и имеют в таких условиях влияние, то только на основе уже сформировавшейся «болезненной» информационной атмосферы, готовой воспринять внешнее вмешательство.

На национальном уровне часть из уже названных мер дублируется, но приобретает более выраженный национальный контекст. В отличие от ЕС в целом страны-члены практически не стали вырабатывать новую политику по противодействию инфодемии, а ссылались на уже существующее законодательство (там, где оно было). Передовыми странами в этом отношении выступают Германия³ и Франция¹, разработавшие соответствующее законодательство ещё в 2017–2018 гг.

¹ Code of Practice on Disinformation. European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/code-practice-disinformation> (дата обращения: 29.05.2021)

² Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council *On a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC COM/2020/825 Final*

³ Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG) vom 1. September 2017. Bundesgesetzblatt. 2017. T. I. Nr. 61. S. 3352.

Существующие национальные нормы показывают, что в ЕС отсутствует по-настоящему стандартизированный подход к борьбе с дезинформацией, т.к. в одних случаях за дезинформацию принимают только политически мотивированный контент, в других речь идёт лишь о риторике ненависти. Кроме того, в практике стран-членов можно найти как исключительно патерналистские меры, к примеру, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Венгрия, Болгария, Румыния)², так и преимущественно мягкие и адаптивные, как в Италии³ и Финляндии⁴.

Двухуровневая структура борьбы с дезинформацией, с одной стороны, дополняет друг друга, но необязательность мер наднационального уровня вместе с плюрализмом практик национального не даёт пока представления о «европейском подходе» к дезинформации, который стремиться разработать ЕС⁵.

Влияние фактора пандемии на политику борьбы с дезинформацией в Британии и России

Вторая плоскость сравнения действий по противодействию пандемии – различия в подходах, представленных в Европе. В качестве примеров в исследовании рассмотрены Британия и Россия, где особенно остро осознаются проблемы информационных угроз и дезинформации.

Общая картина европейских стран отличается, прежде всего, тем, что большая часть мер сосредоточена лишь в рамках национального уровня. Но, если сравнивать Россию и Британию, то наблюдаются как общие черты, так и значительные различия. Объединяет две страны понимание того, что инфодемия требует законодательного регулирования. Если в России поправки в Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях⁶ были внесены весной 2020 г. в уже суще-

¹ LOI n° 2018-1202 du 22 décembre 2018 relative à la lutte contre la manipulation de l'information. NOR : MICX1808389L. URL:

<https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000037847559> (дата обращения: 30.05.2021)

² COVID-Tech: COVID infodemic and the lure of censorship. EDRi. 13.05.2020. URL: <https://edri.org/our-work/covid-infodemic-and-the-lure-of-censorship/> (дата обращения: 30.05.2021)

³ Rai, al via task force contro fake news su coronavirus. RAI. 31.03.2020. URL: <https://www.rai.it/ufficiostampa/assets/template/us-articolo.html?ssiPath=/articoli/2020/03/Rai-al-via-task-force-contro-fakenews-su-coronavirus-37e8f108-ba8b-4af7-a799-5f2619cb6571-ssi.html> (дата обращения: 30.05.2021)

⁴ Heikkolä M. Finland taps social media influencers during coronavirus crisis. POLITICO. 31.03.2020. URL: https://www.politico.eu/article/finland-taps-influencers-as-critical-actors-amid-coronavirus-pandemic/?utm_source=POLITICO.EU&utm_campaign=f4bf57762f-EMAIL_CAMPAIGN_2020_04_03_10_32&utm_medium=email&utm_term=0_10959edeb5-f4bf57762f-190432257 (дата обращения: 30.05.2021)

⁵ European Commission. Communication *Tackling Online Disinformation: A European Approach* COM/2018/236 Final

⁶ Вводится наказание за распространение фейков о коронавирусе. Российская Газета. 31.03.2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/31/vvoditsia-nakazanie-za-rasprostranenie-fejkov-o-koronaviruse.htmlv> (дата обращения: 30.05.2021)

ствующий закон о распространении вредоносной информации¹, то Британия до сих пор находится в процессе разработки и обсуждения соответствующего закона². Однако общий охват готовящегося в Британии закона значительно превышает масштабы принятых в России изменений. Разрабатываемый проект включает не только дезинформацию, но и риторику ненависти, цифровое мошенничество, порочащие сведения и т.д.

Схожим образом выстраиваются модели взаимодействия с обществом. Акцент сделан на взаимодействие с гражданами через активные стратегические коммуникации, усовершенствованные техническими средствами. В Британии был создан специальный правительственный чат-бот, в России велись специальные Telegram-каналы. Но наблюдается разница в подходах к платформам. Если в Британии государство и платформы совместно разрабатывали меры по противодействию инфодемии³, то в России прямой диалог с платформами носил односторонний характер. На платформы возлагались обязательства, но широкие консультации отсутствовали. В данной сфере центральным регулятором является Роскомнадзор⁴, действия которого также носили патерналистский характер.

Дополнительной отличительной чертой подходов двух стран стало отношение к характеру угрозы. Британия в силу определённой преемственности политики ЕС и близкому к ЕС пониманию природы дезинформации, несмотря на свой выход из ЕС, поддерживает экстерналистское восприятие источников дезинформации. Россия не делала столь явного акцента на источниках фейков о коронавирусе, но столкнулась с включением темы пандемии и борьбы с ней во внешнеполитическую повестку. Причиной стала информационная кампания против российской вакцины «Спутник V» и стремление российских государственных институтов реабилитировать статус отечественной вакцины.

По этой причине можно констатировать, что имевшиеся в начале пандемии надежды на снижение информационной конфронтации на фоне объединения усилий для борьбы с инфодезией не оправдались. Все акторы стремились самостоятельно бороться с проблемой, что до сих пор приводит к взаимным обвинениям в искажении информации о пандемии. Кроме того, опыт России и Великобритании показал, что даже при наличии общих целей, каждое государство движется в области противодействия дезинформации с разными скоростями и разной структурой взаимодействия со стейкхолдерами.

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15-3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»; Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

² Draft Online Safety Bill. GOV.UK. 12.05.2021. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/draft-online-safety-bill> (дата обращения: 31.05.2021)

³ Online Harms White Paper. GOV.UK. 15.12.2020. URL: <https://www.gov.uk/government/consultations/online-harms-white-paper/online-harms-white-paper#part-1-introduction> (дата обращения: 31.05.2021)

⁴ Роскомнадзор потребовал от ряда интернет-ресурсов удалить фейки о коронавирусе. ТАСС. 30.03.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8119125> (дата обращения: 31.05.2021)

* * *

Европейский ландшафт представляет весьма разнообразный набор действий по борьбе с дезинформацией. В зависимости от национальной специфики государства страны ищут либо патерналистские, либо адаптивные меры борьбы с пандемией. На наднациональном уровне пока не удалось обеспечить сплочения инициатив, т.к. практические действия сильно зависят от регулирования данной сферы в каждом отдельном государстве. Кроме того, наднациональное регулирование не позволяет сплотить проводимые политики стран-членов, пока не существует единого общеевропейского закона.

За пределами ЕС политика чаще носит более прагматичный характер, но проявляется разница в стратегическом видении угрозы. Если Британия стремится пойти на больший контакт с пользователями и платформами, то Россия осуществляет свою политику централизованно и рестриктивно. Однако вне зависимости от принимаемых мер в каждом случае существуют структурные проблемы с пониманием природы дезинформации.

На сегодняшний день сама инфодемия не устранена. Она сменила свою тематическую направленность, переместившись из вопросов лечения коронавируса в область вакцинации (и, скорее всего, будет и далее перемещаться в смежные области). Следовательно, каждому из государств и акторов предстоит продолжить осмысление проблемы и поиск ответов на неё.

Список литературы

- Болгова И.В. (2020) Внешнеполитическое измерение европейской интеграции: уроки COVID-19. *Современная Европа*. № 6. С. 41–51. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620204151>
- Михеев Е. А. (2021) Дезинформация о новой коронавирусной инфекции COVID-19: психологические механизмы воздействия. *Проблемы национальной стратегии*. № 1. С. 164–174.

References

- Boler M., Davis E. (2020) *Affective Politics of Digital Media: Propaganda by Other Means*. Routledge, New York.
- Bolgova I. (2020) Vneshnepoliticheskoe izmerenie evropejskoj integracii: uroki COVID-19 [Foreign Policy Dimension of the European Integration: Lessons of COVID-19]. *Sovremennaya Evropa*. No 6, pp. 41–51. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620204151> (in Russian).
- Collins J. (2019) The Facts Don't Work": The EU Referendum Campaign and the Journalistic Construction of 'Post-Truth' Politics. *Discourse, Context & Media*. Vol. 27, pp. 15–21. <https://doi.org/10.1016/j.dcm.2018.04.009>
- Farte G. I., Obada D. R. (2018) Reactive Public Relations Strategies for Managing Fake News in the Online Environment. *Postmodern Openings*. Vol. 9, No 2, pp. 26–44. <https://doi.org/10.18662/po/16>
- Kertysova K. (2018) Artificial Intelligence and Disinformation: How AI Changes the Way Disinformation is Produced, Disseminated, and Can Be Countered. *Security and Human Rights*. Vol. 29, pp. 55–81. <http://dx.doi.org/10.1163/18750230-02901005>
- Lewandowsky S., Ecker U. K., Cook J. (2017) Beyond Misinformation: Understanding and Coping With the "Post-Truth" Era. *Journal Of Applied Research in Memory and Cognition*. Vol. 6, No 4, pp. 353–369. <https://doi.org/10.1016/j.jarmac.2017.07.008>

Mikheev E. (2021) Dezinformaciya o novoj koronavirusnoj infekcii COVID-19: psihologicheskie mekhanizmy vozdejstviya [Misinformation about the Novel COVID-19 Infection: Tools for Psychological Impact]. *Problemy nacional'noj strategii*. No 1, pp. 164–174. (in Russian).

Romanova T.A., Sokolov N.I., Kolotaev Y.Y. (2020) Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience: approaches used in the EU and its member state Lithuania. *Baltic Region*. Vol. 12, pp. 53–67. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-1-4>

Rozgonyi K. (2018) *The Impact of the Information Disorder (Disinformation) on Elections*. European Commission for Democracy Through Law (Venice Commission), Strasbourg. URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-LA\(2018\)002-e](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-LA(2018)002-e) (accessed: 31.05.2021)

Tandoc Jr., E.C., Lim Z.W., Ling R. (2018) Defining “Fake News”. *Digital Journalism*. Vol. 6, No 2, pp. 137–153. <https://doi.org/10.1080/21670811.2017.1360143>

Vasu N., Ang B., Teo T. A., Jayakumar S., Raizal M., Ahuja J. (2018) *Fake news: National security in the post-truth era*. RSIS, Singapore. URL: https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2018/01/PR180313_Fake-News_WEB.pdf (accessed: 31.05.2021)

Europe and the European Union in the Context of the Information Threats of a Post-Covid World

Received 30.06.2021

Author: Kolotaev Y., Postgraduate Student, Department of European Studies, School of International Relations, Saint Petersburg State University. **Address:** 1/3 (entr. 8), Smolnogo St., Saint Petersburg, Russian Federation, 191060. **E-mail:** yury.kolotaev@mail.ru

Abstract. The COVID-19 coronavirus pandemic has had a significant impact on a wide range of areas in which the information sphere occupies a special place. The context of the pandemic distorted the online space. From the very start of the pandemic, the information related to the coronavirus was often unreliable or questionable due to the lack of comprehensive information about the virus. The dominance of digital disinformation disseminated via social media has led to the situation of an “infodemic”. It reflects a massive propagation of unverified information. To understand the consequences of this situation, this article examines diverse models of European national and supranational responses to the infodemic. The aim of the study is to systematize the actions of the EU and European countries. The author carried out a comparative analysis comprising a distinction between the actions launched by the European Union and non-EU countries, as well as national authorities and supranational structures. Based on the presented data, this article revealed the absence of a single “European response” to disinformation, which the European Union is trying to achieve. It also demonstrated the existing desire of different countries to move towards legislative actions and regulation on countering disinformation but the pace and means of this development depend on the degree of state involvement in a multistakeholder dialogue with online platforms.

Key words: European Union, infodemic, disinformation, fake news, online platforms, social networks, Russia, United Kingdom.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope72021135143>